

Вячеслав ВОЙНАРОВСКИЙ: У меня есть что-то общее с Мазепой

Вячеслав ВОЙНАРОВСКИЙ — находка для любой труппы. Прекрасный тенор, уморительный комик, желанный гость телевизионных шоу. За плечами множество ролей, последняя из которых персонаж в «Летучей мыши» на сцене Музыкального театра Станиславского и Немировича-Данченко. Уже и Большой театр заключил с ним контракт (он постоянно поет Труффальдино в опере «Любовь к трем апельсинам» и Трике в «Онегине»), и в Театре эстрады дали роль в труднейшем спектакле «Птицы».

— Кем вам приходится герой поэмы Рыльева «Войнаровский» и его милый дядюшка Мазепа?

— С Мазепой я не родственник, но что-то общее у меня с ним есть. Мой дед Юрий Николаевич Кильчевский был известным в провинции, а затем и в Москве артистом оперетты. Естественно, уважал жанр анекдота. За что в 38-м его арестовали, долго мучили, а после 53-го года сообщили моему отцу, что он умер в лагере под Иркутском от укуса энцефалитного клеща. Так вот, этот мой дед прочитал однажды рылеевскую поэму, ему пришлось по душе звучная — как и его, польская — фамилия, кстати, пригодная для антрепризной афиши.

— Когда вас потянуло на сцену?

— Посмотрев в 15 лет фильм «Великий Карузо», я стал так орать, что бабушка сказала: из тебя ничего не получится. Но я все-таки пошел в театр — не в роли Карузо, а рабочим сцены, затем стал петь в хоре. А тут из ГИТИСа приехали красивые ребята, будто с другой планеты, все талантливые. Разумеется, я загорелся ГИТИСом. Встретил замечательных наставников: молюсь,

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

в частности, на Иосифа Михайловича Туманова, на Дору Борисовну Белявскую. Ее имя надо бы занести в Книгу Гиннесса — ведь только народных артистов Советского Союза она воспитала 54 человека! Туманов был тогда главным режиссером Большого театра, и мы, мальчишки, бегали туда беспрепятственно. Он еще на третьем курсе сказал, что возьмет меня на характерные партии. Но вскоре его снимают, и я остаюсь на улице — разумеется, не на зеленой. К тому времени я уже начал безудержно полнеть...

(Окончание на 7-й стр.)

Вячеслав ВОЙНАРОВСКИЙ:

У меня есть что-то общее с Мазепой

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— И вы решили «в глушь, в Саратов»?

— За один только год я спел там 11 партий в театре музыкальной комедии. Но вскоре начались чудесные передачи Виталия Мишле и Инары Гулиевой об оперетте. И тут мне звонят: «Приезжай в Театр Станиславского и Немировича-Данченко, есть место тенора». А я никогда не бывал в этом театре...

Еду в театр. Мне было сказано обратиться к Михайлову, тогдашнему главному режиссеру. Он меня не знал лично. В приемной сидит бабуля и говорит: «Нету Михайлова». А я прилетел на последние деньги... Выхожу разбитый и встречаю Михал Борисыча Мордвинова, педагога из ГИТИСа. «Ты чего здесь?» — «Да говорят, есть место». — «Было, но вчера уже взяли Валю Тучинского». Валя — мой друг, я рад за него, но дальше-то что?.. Мордвинов берет меня за руку: «Пойдем». Сидит та же бабуля. «Михайлов у себя?» — «У себя», — отвечает бабуля... Я спел. И в апреле вот уже тридцать лет, как я здесь.

— В последний раз я видел вас в «Трех апельсинах». Все хорошо. И все-таки ощущаешь, что публика не привыкла к такого рода опере...

— А ведь она наша, русская, правда, сюжет не русский, но язык русский, композитор Прокофьев — русский... За рубежом «Три апельсина» встречают на ура, так

же, как «Обручение в монастыре». Такой успех, точнее, такой накал успеха нам и не снится. И дело в совершеннейшей катастрофе нашей музыкальной пропаганды. Эфир забит «Юбочкой из плюша». Ничего не имею против именно этой неприязнительной песенки, но, как советовал Маяковский, нельзя же до бесчувствия! Я спросил однажды умного человека, почему такое отношение к самому, пожалуй, трепетному искусству, к основе всех других искусств? Он ответил: люди слишком заняты, им пока не до этого. Пока?! Но дальше расхождение во вкусах и понимании музыки будет углубляться.

— Плохой вкус существовал всегда...

— А знаете, почему «несть ему конца»? Есть такой вирус «вседозволенность». Он не только мешает утверждению подлинной демократии, не только вредит общественной нравственности. Он и в музыке творит свое черное дело. Когда все разрешено, то можно, оказывается, петь безголосому. Все говорят о нехватке денег у театров, но никто не объяснил людям, откуда берутся деньги для раскручивания абсолютной бездарности, причем этих денег хватило бы на содержание не одного театра. Когда все было трудно, пробился Леонтьев, пробился Пугачев. Сегодня же достаточно даже десятой доли их таланта, чтобы зваться звездой. В Хабаровске я встретил старого музыканта. Он похвалил меня. И до-

бавил: «Видел бы ты, как эту сцену играл твой дед!» Я, например, уверен, что мне не дотянуться до своего отца. Он нигде не учился, все взял своим трудом и самообразованием, возможно, и наоборот — самообразованием и трудом. Он мог услышать мелодию и тут же воспроизвести ее на рояле — я окончил музыкальную школу, но этого не могу... Один наш замечательный друг объяснил этот феномен так: когда Бог раздавал таланты и подолгла очередь твоего отца, кто-то его отвлел — и он передал твоему отцу лишнюю пяток порций...

— На вопрос «Ваша любимая роль?» актеры обычно отвечают: «Все». Но есть же самая-самая?

— У меня их две. Дон Хером из «Обручения в монастыре», чудесная по музыке, игровая, а я люблю играть, действовать, если надо — комиковать. Но и Труффальдино в Большом также близок мне. Важно другое — обе партии прокофьевские. Этот великан словно писал для меня. Я давно полюбил его музыку, его способ создавать образ. Начинаящий и по сути выросший в оперетте, я, столкнувшись с Шостаковичем в «Катерине Измайловой», затем со Стравинским в «Мавре» и, наконец, с Прокофьевым, открыл совершенно новый пласт искусства и новые возможности для себя как певца и актера. Огромное значение имело и то, что раскрывал мне их гениальный Дмитрий Китаенко, с которым мне посчастливилось работать семь первых лет. И я счастлив, что

работаю в основном в музыкальном театре, где для актера моего плана масса творческих возможностей. Можно сказать, я нашел именно свой театр.

— В вашей речи чаще встречается глагол «я спел», чем «я сыграл». Вы считаете себя оперным певцом или артистом оперетты?

— Я артист музыкального театра. То есть театра, где требуется хорошо петь и хорошо играть. Каким, впрочем, и задумывался Театр имени Станиславского и Немировича-Данченко и каким он все больше снова становится. Как актер я хочу петь в опере, играть в оперетте и мюзикле — к сожалению, я ни разу пока не столкнулся с этим жанром, завоевывающим мир. У мюзикла большое будущее и в силу его демократичности, и в силу того, что у нас собралось множество талантов, способных явить миру прекрасный русский мюзикл.

— Ваша мечта...

— ...создать театр небольших музыкальных форм и самому поработать там режиссером, ставить комические оперы, водевили, миниатюры, мюзиклы. Театр комической оперы в Москве — действительно, почему бы и нет? В Париже есть, в Вене есть... Он подстегнет интерес к большой опере, расширит вкусы публики, будет замечен и в регионах, где нет пока музыкально-театральной традиции. А сколько у нас молодых режиссеров и актеров, рвущихся к настоящей работе!

Георгий МЕЛИКЯНЦ

Кильчевский. — 2001. — 16 февр. — с. 1, 7